

Гитаристъ.

№ 3.

Содержаніе. 1. „Венгерка, или московскіе гитаристы“. Комедія въ 4-хъ дѣйств. П. Н. Меча.—2. Гитара и гитаристы. Историч. оч. В. Русанова.—3. Последняя ласка. А. Анненскаго.—4. О гитарѣ. (Изъ переписки съ Ю. М. Штокманомъ). 5. Иностраннѣйшій отдѣлъ. Сообщенія Свободнаго союза для распространенія хорошей гитарной музыки.—Почтовый ящикъ.

Нотныя приложенія. 1. Варіанці на русскую пѣсню „Чѣмъ тебя я огорчила“. М. Высотскаго. 2. Вернись. Романсъ. Денца. 3. Менуэтъ королевы. А. Сихри. 4. Желаніе дѣвушки. Ф. Шопена. 5. Воспоминаніе о Неаполѣ. Вальсъ. Эмма. 6. Рондино. Вальсъ. Лемуана.

ВЕНГЕРКА,

или

московскіе гитаристы.

Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

П. Н. Меча.

(Продолженіе.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ТѢ же и Поляковъ.

Поляковъ (*входитъ. Къ Сурдинину*). Вы уѣзжали давать концерты?

Сурдининъ. Былъ только въ Суздаль и тамъ игралъ.

Наташа. Здѣсь, въ Москвѣ, вы даете концерты?

Сурдининъ. Намъ брѣваюсь начать великимъ постомъ.

Поляковъ. Въ слѣдующій разъ, когда будете у меня, я непременно исполню данное вамъ обѣщаніе—сыграю Венгерку. Вотъ бы для концерта-то!

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ТѢ же и Цыгановъ.

Цыгановъ (*входитъ*). Добрый вечеръ! (*Къ хозяину*.) Не сердитесь? Я вполне сознаю, что вы артистъ, но давеча такъ, пошутили, и вы меня затронули.

Поляковъ. Пожалуйте, пожалуйста, что съ вами дѣлать!

Цыгановъ (*посль раскланиваній, къ Полякову*). Ну, что-съ, безъ сомнѣнія сыграли превосходно?

Поляковъ. Часы проклятые помѣшали и этотъ гнилой стулъ.

Цыгановъ. Нѣтъ, это оттого, что меня не было. (*Поляковъ уходитъ въ коридоръ; вслѣдъ за нимъ и Цыгановъ*.)

Наташа (*къ Сурдинину*). Мнѣ ужасно нравится гитара: такіе пріятные звуки, просто прелесть! Особенно когда она въ рукахъ артиста. Мнѣ бы хотѣлось послушать васъ.

Сурдининъ. Моя игра едва ли вамъ понравится, потому что вашъ дядюшка лучше меня играетъ.

Наташа. Дядюшка все возится со своей Венгеркой и за другія ноты не принимается.

Сурдининъ. Я желалъ бы списать эту Венгерку, такъ какъ ея нѣтъ въ печати.

Наташа. Дядюшка никому ея не даетъ и хранить какъ будто какое сокровище подъ замкомъ; но, можетъ быть, для васъ будетъ исключеніе.

Сурдининъ (*дѣлаетъ благодарный поклонъ*). Онъ меня крайне обяжетъ.

Наташа. Я право не понимаю, отчего дядюшка не хочетъ ни съ кѣмъ подѣлиться нотами. Вотъ я за особое удовольствіе считаю служить каждому.

Сурдининъ. Это доказываетъ, что у васъ доброе сердце, а въ наше время это большая рѣдкость.

Наташа. Я сожалѣю о тѣхъ, которые его не имѣютъ. Съ чѣмъ можетъ сравниться радость человѣка, дѣйствующаго по внушенію добраго сердца и чистой совѣсти! Для него недоступна ни малѣйшая тревога, онъ находится въ постоянномъ спокойствіи, пріятномъ воспоминаніи своихъ совершенныхъ дѣлъ и намѣреній.

Сурдининъ. Мнѣ кажется, что для человѣка это наслажденіе недоступно потому, что если бы и нашлось у кого такое доброе сердце, то оно при столкновеніи съ обстоятельствами жизни неминуемо скоро должно превратиться въ злое.

Наташа. Превратится въ злое, если не восторжествуетъ сила воли, сила благоразумія. Я сужу по себѣ. Какое бы мнѣ ни пришлось испытать впечатлѣніе, я была бы въ силахъ подчинить его разуму.

Сурдининъ. Кромѣ любви.

Наташа. Даже и самую любовь.

Сурдининъ. Значитъ, вы еще не любили.

Наташа. А можетъ быть и люблю, хотя знаю, что любовь для бѣдной дѣвушки пагубна, если ей не сочувствуетъ предметъ ея страсти. А это бываетъ теперь очень нерѣдко: интересъ ослѣпляетъ всѣхъ. Всѣ ищутъ богатства, забывая, что источникъ богатства въ дѣвицѣ—это ея доброе сердце, знаніе хозяйства и религіозное настроеніе.

Сурдининъ. Я желалъ бы, чтобы вы меня исключили изъ числа корыстолюбивыхъ.

Наташа. Вы говорите искренно?

Сурдининъ. Конечно.

Наташа. Знайте, ничего нѣтъ легче, какъ увлечь сердце дѣвицы; но помните, что и между дѣвицами найдете много такихъ, ко-

торыя настолько прозорливы, что могут остановиться на полпути дѣйствія, чтобы поразмыслить, нѣтъ ли опасности.

Сурдининъ. Поистинѣ, надобно удивляться, что вы, несмотря на вашу молодость, судите такъ благородно.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

ТѢ же и Крупицынъ.

Крупицынъ (*входитъ и садится противъ Наташи*). Сожалѣю, что не удалось нынче слушать игру вашего дядюшки.

Наташа. Онъ очень рѣдко играетъ при другихъ, а потому почти всегда неудачно. А вы продолжаете заниматься музыкой?

Крупицынъ. Продолжаю, но не съ такой охотой, какъ прежде.

Наташа. Отчего же?

Крупицынъ. Нѣтъ соревнованія, не съ кѣмъ посовѣтоваться, не съ кѣмъ поиграть. А чтобы достигнуть пріятной игры, надобно играть дуэты. (*Къ Сурдинину*). Вотъ хотя бы Василий Васильевичъ мнѣ помогъ въ этомъ.

Сурдининъ. Съ удовольствіемъ, но васъ никогда нельзя застать дома: вы цѣлый день заняты службой.

Наташа. Насъ неохотно и очень рѣдко посѣщаете!

Крупицынъ. Напротивъ, у васъ мнѣ всегда очень пріятно; но часто бывать какъ-то совѣстно: вашъ дядюшка любитъ спокойствіе.

Наташа. Онъ всегда радъ вашему посѣщенію. Вотъ съ нимъ играли бы вдвоемъ!

Крупицынъ. Охота къ музыкѣ у меня что-то пропадаетъ. Въ свободныя минуты люблю мечтать.

Наташа. О чемъ же вы мечтаете?

Крупицынъ. О томъ, что для меня—несбыточное дѣло.

Наташа. Я слышала отъ другихъ, что человѣкъ можетъ достигнуть всего желаемого, если начнетъ правильно дѣйствовать.

Крупицынъ. А кто можетъ дать совѣтъ дѣйствовать правильно?

Наташа. Здравый разумъ.

Крупицынъ. А если разумъ отуманенъ какимъ-нибудь чрезмѣрнымъ увлеченіемъ.

Наташа. Напримѣръ?

Сурдининъ. Напримѣръ, любовью.

Наташа. Я не повѣрю, чтобы господинъ Крупицынъ могъ влюбиться.

Крупицынъ. Значитъ, вы меня считаете за камень?

Наташа. Человѣкъ, занятый дѣломъ, далекъ отъ того, чтобы влюбляться. Но когда вы сознаетесь сами, я буду на васъ смотрѣть какъ на влюбленнаго.

Сурдининъ. И не ошибетесь!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Антонина Тоевна Кошедарова,
(*Кошедарова чопорно одѣта. При входѣ ея Сурдининъ идетъ къ ней навстрѣчу. Наташа подходитъ къ теткѣ*).

Крупичинъ (*къ зрителямъ*). Она холодна ко мнѣ и видимо предпочитаетъ Сурдинина. Что же мнѣ остается дѣлать?

Антонина Тоевна (*здоровается съ Маршой Петровной, садится и бросаетъ нѣсколько надменный взглядъ на Наташу*). Господинъ Сурдининъ, вы забываете вашихъ знакомыхъ!

Сурдининъ. Позвольте узнать, кого же, напримѣръ?

Кошедарова. Напримѣръ, меня. Три недѣли, какъ я васъ не видала.

Сурдининъ. Я уѣзжалъ изъ Москвы и только другой день какъ возвратился.

Поляковъ (*къ Кошедаровой*). Позвольте отрекомендовать вамъ мою племянницу! (*Указываетъ рукой*.) Она недавно приѣхала къ намъ.

Кошедарова. Очень рада! (*Къ Наташѣ*.) Вы, mademoiselle, выпущены изъ института?

Наташа. Нѣтъ, я воспитывалась дома.

Кошедарова. Въ Петербургѣ?

Наташа. Нѣтъ, я жила въ шестидесяти верстахъ отъ Москвы, въ Дмитровскомъ уѣздѣ. Послѣ смерти моихъ родителей я приѣхала сюда, къ тетушкѣ и дядюшкѣ.

Кошедарова. Теперь чѣмъ занимаетесь?.. музыкой, пѣніемъ?

Наташа. Ни тѣмъ, ни другимъ, а только рукодѣліемъ... шью платья, бѣлье, вышиваю, вяжу, занимаюсь хозяйствомъ, хожу въ церковь...

Кошедарова. Не мѣшаетъ; но я, напротивъ, страшная любительница музыки, пѣнія, всего гармоническаго. Вотъ господинъ Сурдининъ знаетъ мой вкусъ.

Сурдининъ. Знаю и благоговѣю предъ вашимъ вкусомъ.

Кошедарова. Впрочемъ, теперь въ ходу не одна музыка. Даже знатные, богатые люди начали заниматься рукодѣліемъ. Вчера я была у моей коротко знакомой, можно сказать, пріятельницы, графини Миминой...

Марша Петровна. Мы знаемъ ее. Мой братъ нѣкогда завѣдывалъ конторой ея дома.

Кошедарова. Теперь тамъ Крупичинъ. Вообразите: у нея большая эмблема комнатъ, гдѣ постоянно ощущается пріятный лаконическій запахъ. Мебель позолоченная; вездѣ шелкъ, бархатъ и живописные ковры; на стѣнахъ зеркала въ золоченыхъ рѣзныхъ рамахъ съ гарнитурой и картины фландскихъ сюжетовъ. Сама она за пальцами! (*Съ удареніемъ*.) Это меня поразило!

Наташа. Вѣроятно, она любитъ подобное занятіе.

Кошедарова. Конечно не настолько, какъ игру въ карты или лото съ *мохнатыми*.

Наташа. Мнѣ нравится самый простой родъ жизни, безъ всякой роскоши, лишь бы было необходимое. По-моему былъ бы вкусъ. Его можно выразить и въ самомъ бѣдномъ нарядѣ, и въ самой простой рѣчи, и въ сужденіяхъ, и во всемъ.

Кошедарова (*съ гордостью осматриваетъ Наташу*). А книги читаете?

Наташа. Читаю „Ниву“ и кое-какія о хозяйствѣ.

Кошедарова. Фи! Я сужу иначе. Мнѣ нравятся чувствительные романы. (*Къ хозяйкѣ.*) Я къ вамъ на короткое время, чтобы только исполнить обѣщаніе Чуть было не забыла, что нынче „Отелло“, роль котораго исполнить Росси, мой абонементъ, а потому извините! (*Смотритъ на свои часы.*) Вотъ уже семь часовъ! Пока дожду! (*Къ Наташѣ.*) Очень рада познакомиться съ вами; надѣюсь, будемъ встрѣчаться. (*Идетъ къ дверямъ, провожаемая Маршой Петровной и Сурдиннымъ. Къ Сурдинину.*) Monsieur Сурдининъ, вы будете нынче въ театрѣ?

Сурдининъ. Нѣтъ, я намѣренъ здѣсь побыть нѣкоторое время.

Кошедарова. Je comprends, счастливаго успѣха! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ и Поляковъ.

Поляковъ (*садится рядомъ съ Сурдиннымъ. Къ нему*). Вы можете меня заставить дома ежедневно утромъ отъ 11 до 2-хъ, а послѣ обѣда отъ 7 до 8 часовъ.

Сурдининъ. Постараюсь.

Наташа. Дядюшка, вы сыграете господину Сурдинину Венгерку?

Поляковъ. Можетъ быть. (*Наташа уходитъ*).

Сурдининъ. Я давно желаю ее прослушать: говорятъ, хорошая вещь.

Поляковъ. Неподражаемая гармонія, просто очарованіе.

Сурдининъ. Въ какомъ тонѣ?

Поляковъ. Сначала идетъ *adagio* въ де-моль, потомъ начинается тема въ де-дуръ, переходитъ въ эфъ-дуръ, въ а-моль; потомъ идутъ варіаціи въ а-дуръ, затѣмъ, сударь мой, въ а-моль и оканчивается *presto* въ а-дуръ. Вещь божественная!

(*Слышны стукотня и говоръ гостей въ общей залѣ; въ сосѣдней комнатѣ играютъ на фортепіано Камаринскую.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ и прежніе гости.

(*Кто садится, кто прохаживается. Торопливо сообщаютъ другъ другу, что Саблинъ съ кѣмъ-то поссорился.*)

Поляковъ (*къ сестрѣ*). Каковъ Саблинъ-то! Клюкнулъ и пошелъ ко всѣмъ придираться!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ТѢ же. Саблинъ и его жена.

(Татьяна Сергѣевна съ плеткой въ рукахъ. Саблинъ подѣ звуки Камаринской является на сцену и пляшетъ въ присядку. Всѣ мужчины, кромѣ Полякова, ему хлопаютъ.)

Татьяна Сергѣевна (входитъ и, видя пляшущимъ своего мужа, останавливается въ удивленіи и молча глядитъ на него съ негодованіемъ). Хорошъ, хорошъ, безумецъ! Развѣ можно такъ вести себя, замѣсь пословицы, въ честной компаніи!

Одинъ изъ гитаристовъ (къ Татьянѣ Сергѣевнѣ). Уймите вашего мужа, онъ меня обидѣлъ: дуракомъ назвалъ. Я хочу возмездія.

Саблинъ (нѣсколько сконфузясь, перестаетъ плясать и обращаясь къ гитаристу). Ну, выходи на кулаки. (Протягиваетъ къ нему кулаки.) Попробуй!

Татьяна Сергѣевна (къ мужу). Перестань, окаянный: надъ тобой вѣдь смѣются! (Къ Полякову.) Я пришла за моимъ мужемъ. Охота вамъ его спаивать! Вы знаете, что онъ не прочь, замѣсь пословицы, отъ чарочки! (Къ мужу). Иди сейчасъ домой, а то... видишь? (Показываетъ плетку.) Сначала попроси прощенія у этого господина (указываетъ), помирись съ нимъ! Худой миръ, замѣсь пословицы, лучше доброй брани.

Саблинъ (къ гитаристу). Ну, прѣстите! (Кланяется.)

Одинъ изъ гитаристовъ. Завтра изволь явиться въ трактиръ Грабастова и тамъ поставить мнѣ контрибуцію—полштофъ сладкой водки съ закуской!

Саблинъ. Объ этомъ еще подумаемъ.

Гитаристъ. Небось боишься жены!

Саблинъ. Боюсь я ея!

Татьяна Сергѣевна. Какъ, не боишься? Вотъ до чего испортили моего мужа: онъ на жену, замѣсь пословицы, плевать хочетъ. Вотъ какія времена настали! (Къ мужу.) Сейчасъ за мной! (Беретъ его за руку и тащитъ въ коридоръ.)

Саблинъ (упирается). Да позволь захватить шапку-то! Прощенья просимъ! (Беретъ шапку со стула). Извините, ничего съ душой не подѣлаешь! (Уходитъ.)

Поляковъ (къ гостямъ). Господа! Въ заключеніе нынѣшняго вечера я долженъ вамъ объявить, что на будущей недѣлѣ, во вторникъ, въ шесть часовъ пополудни, у меня назначено, по порученію господина Комарова, чтеніе отчета о присужденныхъ наградахъ по конкурсу. Благоволите собраться! (Гости начинаютъ прощаться и расходиться.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Поляковъ, его сестра и буфетчикъ.

Поляковъ (*къ вошедшему буфетчику*). Что тебѣ нужно?

Буфетчикъ. Счетецъ вашей милости! (*Подаетъ счетъ.*)

Поляковъ. Какой счетецъ?

Буфетчикъ. Ваши гости изволили требовать.

Поляковъ. Вотъ тебѣ разъ! Зачѣмъ же имъ давали?

Буфетчикъ. Вы изволили сказать, чтобъ ихъ напоить и накормить.

Поляковъ. Я разумѣлъ только чай и бѣлый хлѣбъ.

Буфетчикъ. Это дѣло хозяйское-съ. Мое—получить деньги.

Поляковъ. Сколько же слѣдуетъ?

Буфетчикъ. Восемнадцать рублей пятнадцать копеекъ.

Поляковъ. Да что же такъ много?

Буфетчикъ. Тутъ написано-съ!

Поляковъ (*читаетъ*). 14 стакановъ чаю съ лимономъ, сахаромъ и сухарями... 25 рюмокъ столовой водки четыре... порціи „Андрей котъ“... Что это за чертовщина?

Буфетчикъ. Антрекотъ-съ, точно такъ!

Поляковъ. Андрей котъ съ черносливомъ...

Буфетчикъ. Съ гарниромъ-съ!

Поляковъ. Неясно написано.

Буфетчикъ. Никакъ нѣтъ-съ, вѣрно.

Поляковъ. Четыре порціи гуся съ канарейку...

Буфетчикъ. Съ капустой-съ.

Поляковъ. Да, съ капустой... Три порціи супа а ля туркю... Вотъ тебѣ новость! А ля туркю!.. Двѣ порціи супа осель...

Буфетчикъ. А ля туртю-съ, озель-съ.

Поляковъ. Двѣ порціи супа съ клеенкой...

Буфетчикъ. Съ клецками-съ.

Поляковъ. Шестъ порцій говядины мерантонъ... Что это такое?

Буфетчикъ. Точно такъ-съ.

Поляковъ. Какой это осель писалъ?

Буфетчикъ. Я самъ писалъ-съ.

Поляковъ. Итого восемнадцать рублей пятнадцать копеекъ. Сестра, слышишь, что надѣлали наши гости?

Полякова. Не говорила ли я тебѣ, что толку не будетъ отъ этой компаніи. Только Сурдининъ и Крупицынъ держали себя прилично. Впередъ тебѣ наука!

Поляковъ (*къ буфетчику*). Я подумаю и отдамъ завтра!

Буфетчикъ. Хозяинъ требуетъ сейчасъ.

Поляковъ. Пусть подождетъ до завтра!

Буфетчикъ. Я доложу-съ! (*Уходитъ.*)

Поляковъ (*къ сестрѣ*). Не обратиться ли къ мировому?

Полякова. Обратись, попробуй, потягайся, простудись, угори у него въ вонючей камерѣ, наберись насѣкомыхъ, дождидайся нѣсколько часовъ, пока выкликнетъ тебя, какъ школьника, послѣднимъ, встань на одну доску съ мужикомъ, у котораго карманъ пожирнѣе твоего! Да приплати еще нѣсколько рублей! Отдай завтра! Я лишаю себя необходимаго къ празднику. Вотъ послѣдствія неисполненія моихъ совѣтовъ!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Наташа.

Наташа (*выходитъ изъ боковой комнаты*). Не безпокойтесь, дядюшка, я отдамъ за васъ мои собственные деньги. Видите, сколько у меня! (*Показываетъ портмонъ.*) Завтра продамъ моей работы вышивную салфетку и получу еще восемь рублей.

Поляковъ. Мнѣ желательно, чтобы ты сдѣлала себѣ къ празднику обнову.

Наташа. И, дядюшка, къ чему это! Я имѣю необходимое, зачѣмъ лишнее!

Поляковъ. Копи себѣ на приданое.

Наташа. На приданое! Сколько ни копи, а все-таки скопишь бездѣлицу. О женихахъ я не думаю, потому что теперь всякій избѣгаетъ бѣдной дѣвушки.

Полякова. Намъ желательно видѣть тебя пристроенной, счастливой; меня не оставляетъ надежда, что Господь Богъ наградить тебя за твое доброе сердце.

Наташа. Я вполне предоставляю свою участь волѣ Божіей.
(*Занавѣсъ опускается.*)

Конецъ перваго дѣйствія.

2. Allegro.

Типы московскаго Художественнаго театра.

(Артемъ въ роли Телѣгина въ комедіи А. П. Чехова „Дядя Ваня“.)

ГЛАВА XXIII.

Ф. Калегари. — Айхельбургъ. — Ф. Батиоли. — З. Бензонъ. —
Лойеръ. — Агліати.

(Продолженіе.)

Ф. Калегари.

Францискъ Калегари родился во Флоренці въ концѣ XVIII столѣтія. Большую часть жизни провелъ въ Германіи, гдѣ и были напечатаны почти всѣ его произведенія; сочиненія его—около сорока—пользовались значительнымъ успѣхомъ; они заключаютъ въ себѣ разнообразныя аріи, вальсы, рондо и сонаты. Изъ нихъ отмѣтимъ op. 8 „Sonate“ и весьма интересныя „6 Lectionen in den gewöhnlichen Positionen um die leichteste Applicatur zu erlernen“ op. 11.

Айхельбургъ.

Айхельбургъ — замѣчательный виртуозъ на мандолинѣ, проживавшій въ началѣ XIX столѣтія въ Вѣнѣ; извѣстность приобрѣтена имъ превосходными сочиненіями для мандолины, скрипки и гитары. Изъ числа ихъ отмѣтимъ: „Potpourri pour mandoline ou violon et guitare“ op. 1, „Variations pour mandoline ou violon et guitare“ op. 2, „3 Nocturne concertant pour mandoline ou violon et guitare“ op. 3, „4 Variations concertantes pour mandoline ou violon et guitare“ op. 4.

Ф. Батиоли.

Франческо Батиоли — итальянскій гитаристъ, проживавшій въ Вѣнѣ. Современная критика ставитъ его какъ виртуоза и какъ композитора на ряду съ Ф. Карулли, Калемъ и Борнгардтомъ. Она отмѣчаетъ бѣглость, легкость и изящество его техники. Сочиненія Ф. Батиоли во многомъ однако уступаютъ сочиненіямъ упомянутыхъ гитаристовъ, хотя нельзя отказать и имъ въ изяществѣ и вкусѣ. Въ нихъ все-таки чувствуется образованный музыкантъ, мастеръ своего дѣла. Въ особенности имѣли успѣхъ его теоретическія сочиненія: „Общепользная школа гитарной игры съ краткимъ предисловіемъ о пѣніи“, „Новѣйшая школа гитарной игры“ съ текстомъ на нѣмецкомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ и, наконецъ, „Школа для гитары и флажолетовъ съ примѣчаніями о строеніи гитары“.

Личный опытъ, основанный на многолѣтнемъ трудѣ, ясный, понятный языкъ невольно подкупаютъ въ пользу автора. Тѣмъ не менѣе всѣ эти руководства не могутъ идти ни въ какое сравненіе со школами Каркасси и Карулли.

Сочиненія его заключаются въ квартетахъ, тріо, дуэтахъ и соло, въ большинствѣ случаевъ написанныхъ въ стилѣ галантной итальянской музыки, и состоятъ изъ варіацій на излюбленные мотивы. Печатался онъ сравнительно мало. Отмѣтимъ изъ его произведеній: „Concert-polonais pour guitare avec quatuor“ op. 3, „Douze valse pour une ou deux guitares“ op. 4, „Grandes variations sur l'air allemand *An Alexis send' ich dich*, pour flûte et guitare“ op. 5, „Potpourri pour guitare, flûte et alto“ op. 6, „5 Rondo de chasse“ op. 7.

Батиоли жилъ въ Вѣнѣ приблизительно съ 1825 г., а затѣмъ около 1830 г. уѣхалъ на постоянное жительство въ Венецію.

3. Бензонъ.

Зигфридъ Бензонъ родился въ 1793 году въ сѣверной части Шлезвига. Извѣстность въ музыкѣ получилъ главнымъ образомъ за свои сочиненія для различныхъ инструментовъ, въ томъ числѣ и для гитары.

Съ 1817 по 1820 г. онъ былъ капельмейстеромъ городского театра въ Майницѣ и славился какъ выдающійся дирижеръ и скрипачъ. Позднѣе онъ совершилъ поѣздки въ Ганноверъ и Кассель, а въ 1823 году проѣхалъ черезъ Бременъ въ южную Африку и Австралію. Съ тѣхъ поръ о немъ не было извѣстій.

О его сочиненіяхъ и композиторскомъ дарованіи Шиллингъ пишетъ:

„Этого музыканта мы можемъ судить только по его произ-

веденіямъ; рассматривая ихъ, авторъ представляется намъ какъ совершенный *de omnibus aliquid*, т.-е. какъ художникъ, чувствующій призваніе къ творческой дѣятельности, но которому область, поле дѣятельности неизвѣстны въ достаточной степени. Онъ на всемъ пробуетъ свои силы, но если счастье ему не улыбается сразу, мгновенно переходитъ къ чему-нибудь другому; всегда онъ какъ бы чуждъ своему предмету и творить только несовершенное, незаконченное. Мы знакомы съ 40—50 мелкими вещицами Бензона, которыми онъ подарилъ музыкальную литературу во всѣхъ почти родахъ музыки: соло, дуэты, квартеты, квинтеты, сонаты, вариации и т. д. для скрипки, флейты, гобоя, гитары и фортепiano, за ними слѣдуютъ пѣсни и романсы.

„Столь разностороннее творчество проявили лишь немногіе инструментальные композиторы и ужъ, разумѣется, среди нихъ нѣтъ ни одного, который далъ бы потомству что-либо дѣйствительно цѣнное и великое; въ этомъ отношеніи сочиненія ихъ лишь подтверждаютъ вполнѣ естественный законъ, по которому каждый, кто хочетъ что-нибудь создать, долженъ сначала близко и тѣсно ознакомиться съ почвой, на которой онъ хочетъ возрастить посѣянные сѣмена. Только тогда онъ можетъ ожидать хорошей жатвы своихъ плодовъ. Бензонъ богатъ мелодіями, и его познанія въ гармоніи кажутся весьма солидными; но благодѣтельная область *точнаго, основательнаго* знанія своего инструмента и другихъ подчасъ ускользаетъ отъ него. Этого не было бы при немного меньшемъ непостоянствѣ, а это послѣднее свойство побѣждаетъ прежде, чѣмъ удовлетворительное, идущее рука объ руку съ задерживающимъ стремленіемъ. Передъ нами только *стремящійся* начинающій художникъ, прекрасный, повидимому, талантъ котораго можетъ дать лучшее только въ будущемъ“.

Изъ произведеній Бензона для гитары слѣдуетъ отмѣтить его оп. 7 вариации съ сопровожденіемъ струннаго квартета въ тонѣ F-dur.

Л о й е р ь (L'Hoeyer).

Авторъ интереснаго концерта для гитары съ сопровожденіемъ струннаго квартета, одинъ изъ выдающихся французскихъ гитаристовъ. Еще въ юношествѣ онъ пріѣхалъ съ труппой актеровъ ко двору принца Генриха Прусскаго въ Рейнсбергъ. Въ 1800 г. мы видимъ его въ Гамбургѣ въ качествѣ преподавателя и композитора, а затѣмъ онъ навсегда поселился въ Парижѣ. Имъ написаны и изданы, кромѣ упомянутаго концерта, шесть серенадъ, одна фантазія, романсы, дуэты, три сонаты для гитары со скрипкой. Дуэты, числомъ 19, и серенады написаны имъ для 2 гитаръ. Затѣмъ два тріо (одно для 3 гитаръ, а другое для гитары, скрипки и виолончели)

и концертное погсеаи для 4 гитаръ. Это далеко не все, что написано и издано было въ свое время этимъ симпатичнымъ и талантливымъ композиторомъ. Многое утрачено, оставшись въ рукописномъ видѣ, а нѣкоторыя сочиненія, будучи распроданы, вышли изъ печати.

А г л и а т и .

Агліати—миланскій гитаристъ тридцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія; особенною извѣстностью пользовались его „Sonate“ и двѣ темы съ блестящими вариациями.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

За самоучителемъ.
Съ картины Ведяпина.

Послѣдняя ласка.

Был канунъ новаго года. Тихая морозная ночь спустилась надъ землей и обдавала ее своимъ ледянымъ дыханіемъ. Высоко поднявшееся бездонное небо украсилось мириадами звѣздъ, безстрастно глядѣвшихъ на далекую землю и загадочно перемигивающихся между собой.

Огромный городъ, залитый огнями, казалось, застылъ, погрузился въ какую-то великую, таинственную думу. Жизнь на его улицахъ замирала, и лишь около костровъ, горѣвшихъ на перекресткахъ улицъ, замѣтны были фигуры людей. Одни изъ нихъ исполняли свой трудный, тяжелый долгъ передъ жизнью, по обязанности были на морозѣ, другимъ же просто не было куда дѣваться, преклонить свою голову.

Въ числѣ такихъ безпріютныхъ, жалкихъ людей, отверженныхъ обществомъ, былъ и Василій Николаевичъ Ромашкинъ, или, какъ его называли лица его круга, Васька Ромашка. Въ драной кацавейкѣ, въ громадныхъ, стоптанныхъ сапогахъ, просившихъ каши, въ засаленномъ картузѣ на лохматой головѣ, онъ сидѣлъ на корточкахъ около костра и протягивалъ надъ языками пламени свои коченѣвшія отъ холода руки, подставляя къ сторонѣ тепла то одну, то другую часть своего иззябшаго тѣла. Рядомъ съ нимъ подпрыгивалъ и постукивалъ громадными рукавицами извозчикъ, большая, окладистая борода котораго была сплошь покрыта пнеемъ, а на усахъ, точно сталактиты, висѣли сосульки.

— Что, братъ, цыганскій потъ пробираетъ?—дрожа, хриплымъ голосомъ спросилъ своего сосѣда Василій Николаевичъ, тоже вставая и принимаясь прыгать, ибо пальцы на его ногахъ начинали коченѣть.—Морозъ изрядный... теперь хорошо въ теплой комнатѣ, въ пріятномъ обществѣ, за стаканомъ добраго краснаго вина посидѣть...

— Я думаю, и отъ сивухи бы не

отказался,—бросилъ извозчикъ, окидывая взглядомъ высокую, уродливую фигуру Ромашкина,—а то—нишь баринъ какой!—винакакого-то ему стаканъ... Аль видалъ, какъ люди пивали?

— Самъ пивалъ, товарищъ,—ткнулъ себя въ грудь Василій Николаевичъ,—пивалъ, на бархатѣ сидя...

— Ну? — заинтересовался извозчикъ. — А какъ же въ хитрованцы-то попалъ?

— Судьба злодѣйка...—началъ было Ромашкинъ, но кто-то съ угла крикнулъ извозчика, тотъ тотчасъ же убѣжалъ отъ костра, и Василій Николаевичъ остался одинъ съ своей только что начатой рѣчью. Густые клубы дыма высокимъ столбомъ стояли надъ костромъ и медленно тянулись къ небу.

Дунулъ рѣзкій вѣтеръ, живой столбъ шевельнулся и обрушился на Ромашкина, обдавая его ѣдкой гарью.

— Фу, чортъ!—отскочилъ въ сторону Василій Николаевичъ. А суровый порывъ вѣтра опять выскочилъ откуда то изъ-за угла, охватилъ его своими желѣзными объятіями, забираясь въ каждую отдушницу его ветхой хламиды. — Подохнешь на этомъ проклятомъ морозѣ,—пробурчалъ Ромашкинъ и мелкой рысцой, подпрыгивая, потрусилъ по улицѣ, хватаясь то за носъ, то за уши, повязанныя какой-то грязной тряпкой.

Онъ бѣжалъ мимо великолѣпныхъ, богато отдѣланныхъ домовъ, изъ громадныхъ оконъ которыхъ лились цѣлые снопы яркаго свѣта. Кое-гдѣ видѣлись ему разубранныя елки, огоньки на которыхъ точно языки тянулись кверху.

Задыхаясь отъ бѣга и костеня отъ холода, Василій Николаевичъ бросалъ быстрые взгляды на эти окна, за которыми скрывались люди въ теплѣ и довольствѣ, и у него рождалось только одно желаніе—куда-нибудь дѣться съ этой непривѣтливой улицы, на которой властно царилъ жестокий морозъ.

Онъ пробоваль просить милостыню у встрѣчавшихся прохожихъ, протягивая къ нимъ свою дрожащую, отказывающуюся повиноваться руку, но никто не обращалъ на него вниманія, идя торопливо своей дорогой.

— Подлецы!—щелкалъ зубами Ромашкинъ.—Хоть сдохни—имъ все равно...—и продолжалъ дальше свой безцѣльный путь.

На спускѣ, около однихъ воротъ онъ вдругъ поскользнулся и упалъ на тротуаръ вѣзмъ своимъ длиннымъ, худымъ тѣломъ. Отъ сотрясенія фуражка сорвалась съ головы, и рѣзкій, безжалостный морозъ положилъ свою властную руку на обнажившуюся кожу, прикрытую рѣдкими, гунявыми волосами. Кряхтя и охая, Василий Николаевичъ поднялся, нахлобучилъ на голову фуражку и оглянулся безпомощно кругомъ. Въ тяжелыхъ, массивныхъ воротахъ была отворена калитка, за которой видѣлся длинный коридоръ проѣзда съ дверями направо и налево.

Не отдавая себѣ отчета, гонимый невыносимой для него стужей, Ромашкинъ шмыгнулъ въ калитку, быстро пробѣжалъ освѣщенный фонаремъ проѣздъ и завернулъ за уголъ дома, высматривая, нѣтъ ли гдѣ отворенной двери.

— Все равно,—мелькало въ его головѣ,—пусть поймають, сочтутъ за вора, отиравать въ часть... хоть въ теплѣ буду.

Слабѣющей рукой онъ дернулъ за скобу первой попавшейся двери. Съ печальнымъ скрипомъ, точно жалуюсь на что, она отворилась. Ромашкинъ юркнулъ въ нее, тихо затворилъ за собой и очутился въ темнотѣ.

Растопыривъ руки, онъ нащупалъ лѣстницу, перила и сталъ тихо, стараясь не производить шума, подниматься по ступенямъ. Здѣсь, въ защитѣ отъ набѣгавшихъ порывовъ рѣзкаго вѣтра, было нѣсколько теплѣй, нежели на улицѣ. Пахло чѣмъ-то жаренымъ, щекочущимъ обоняніе.

Поднимаясь со ступени на ступень, Василий Николаевичъ взошелъ на

площадку, ощупаль какую-то дверь и остановился.

Сердце его тревожно стучало въ усталой груди, и онъ слышалъ его частые удары, глухо доносившіеся изъ-подъ слоя лохмотьевъ, прикрывавшихъ грудь.

И вдругъ среди мертвой тишины, среди сгущеннаго мрака, разсѣиваемаго слабымъ свѣтомъ изъ окна на площадкѣ, которое, оглядѣвшись, замѣтилъ теперь Ромашкинъ, раздались какіе-то глухіе, тоскующіе звуки. Они неслись откуда-то сбоку, задерживаемые перегородкой, но тѣмъ не менѣе явственно воспринимаемые ухомъ въ той тишинѣ, что царила на лѣстницѣ, гдѣ стоялъ Василий Николаевичъ.

Онъ вздрогнулъ, отступилъ отъ двери и, прислонившись къ стѣнѣ, сталъ тщательно прислушиваться. Звуки то замирали и тонули въ окружающемъ Ромашкина мракѣ, то вновь вышывали болѣе сильные, твердые и складывались въ тоскующую, порой переходящую въ страстный вопль мелодію. И эта мелодія, коснувшись его слуха, заставила затрепетать Василия Николаевича, пронзила, какъ токъ, все его хилое, болѣзненное, застывающее отъ холода существо, коснулась его огрубѣвшей, закоружлой души, затронула въ ней давно забытыя живыя струны. Робко и неувѣренно заколебались эти живыя струны. Волна чего-то свѣжаго, славнаго и вѣстѣ съ тѣмъ давно забытаго нахлынула и захлестнула Ромашкина.

Тосковали и жаловались, безъ конца лились робкіе звуки, расплывались во мракѣ, окружали Василия Николаевича и шептали ему о прошедшихъ годахъ, о былой жизни, когда и онъ былъ человѣкъ и слушалъ эту же самую мелодію не здѣсь на морозѣ, притаившись, какъ воръ, на чьей-то лѣстницѣ, а въ уютныхъ комнатахъ, въ обществѣ воспитанныхъ людей, говорившихъ хорошія, умныя фразы о любви къ человѣку, о различныхъ вопросахъ, какимъ путемъ можно было бы сдѣлать сноснѣе жизнь людей. И играла эту мелодію Марья Ивановна Богомолова, которая имѣла неотра-

зимое вліяніе на Василя Николаевича, кончавшаго тогда университетъ. Она любила эту, полную задумчивой печали, порой переходившую въ бурныя рыданія, пьесу, часто ее играла и затѣмъ обыкновенно начинала тихо говорить о томъ, что жизнь также задумчиво-печальна, и лишь бороздить ее глубокою горе, сильное, необъятное по своимъ размѣрамъ, скрывающее подъ собою робко ютившіяся радости въ жизни. Она тосковала о томъ, что на свѣтѣ такъ мало сильныхъ людей, которые могли бы остановить этотъ разливающийся, всеокрушающій потокъ горя, потокъ, угрожающій вырожденію человѣчества...

Полный вѣры въ лучшее, надѣясь на свои молодыя силы, Ромашкинъ пробовалъ разубѣждать молодую женщину. Онъ зналъ, что главная причина ея пессимистическихъ взглядовъ—неудачное замужество; зналъ, что ея мужъ, съ виду милый, добрый, образованный человѣкъ, на дѣлѣ былъ сухой, черствый эгоистъ, убивавшій въ женѣ всѣ хорошіе задатки ея чуткой, нѣжной души.

Молясь на Марью Ивановну, любя ее всѣмъ пыломъ своего молодого сердца, Василій Николаевичъ не разъ горячо говорилъ ей про свое чувство, убѣждалъ, просилъ бросить эгоиста-мужа и бѣжать съ нимъ; общалъ ей дать все, что она потребуетъ—жизнь свою. Печальная и нѣжная, она благодарила его, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда просила лишь объ одномъ—не говорить ей о своей любви, забыть это...

Воплощаясь въ живую рѣчь, мелодія дальше вела свой грустный рассказъ Ромашкину про его прошедшіе годы.

Растроганный нахлынувшими воспоминаніями, возвышенный, очищенный отъ грязи, въ которую онъ было упалъ, Василій Николаевичъ забылъ о холодѣ, о томъ, что онъ съ самаго ранняго утра не ѣлъ ничего... Онъ опустился на холодную площадку, забился въ уголокъ, скорчился, сбросилъ повязку съ ушей, чтобы лучше можно было слушать летавшіе въ темной безднѣ звуки.

...Кончила свою сказку Марья Ивановна, принявъ какой-то ядъ. Обезумѣвшій отъ горя Ромашкинъ стрѣлялъ въ ея мужа, въ которомъ видѣлъ единственную вину ея гибели...

Его судили, оправдали, но жизнь уже потеряла свою красоту и прелесть въ глазахъ Василя Николаевича. «Ея» болѣзнь перешла къ нему, но выражаться стала не въ тихихъ, какъ шелестъ прибрежнаго камыша, рѣчахъ, не въ тоскливыхъ жалобахъ на непривѣтливость жизни, а въ мрачномъ разгулѣ, въ топленіи въ винѣ своей тоски...

Онъ постепенно упдалъ и наконецъ превратился въ Васюку Ромашку, строчившаго разныя кляузныя прошенія за полбутылки и пятакъ на ночлегъ...

Замирали и съ силой вновь набѣгали звуки...

Легкая дремота овладѣвала Василіемъ Николаевичемъ, голова слегка кружилась, клонило его къ пріятной дремотѣ. Только конечности да спина ныли отчаянно отъ холода, и онъ дѣлалъ усилія, чтобы пошевелить этими частями, пробовалъ сгибать въ сапогѣ пальцы ногъ, но коченѣвшіе члены не слушались. И скоро Ромашкинъ пересталъ обращать на это вниманіе, уткнулся лицомъ въ колѣни и старался лишь ловить ухомъ скользившіе легко, какъ тѣни, звуки...

Потомъ онъ вдругъ какъ-то оторвался отъ лѣстницы, на которой сидѣлъ, оторвался отъ самого себя, Васюки Ромашки, и превратился снова въ молодого, полного силы и вѣры въ жизнь человѣка.

Льются и витаютъ около него нѣжные звуки...

Онъ видитъ Марью Ивановну въ уголкѣ своей уютной гостиной, куда мало достигаетъ свѣтъ отъ висѣвшей посреди комнаты лампы-люстры. Тихая, нѣжно задумчивая, она съ любовью глядитъ на его раскраснѣвшееся лицо, ласково поводитъ своей тонкой, аристократической рукой по его вьющимся волосамъ и говоритъ своимъ мягкимъ, груднымъ голосомъ:

— Жизнь грустна и жестока, бороздить ее горя лишь волны. Гдѣ тѣ

смѣлые, сильные люди, что вступили бы въ борьбу съ этимъ чудовищемъ необъятнымъ?..

Василій Николаевичъ, терзаясь ея печалью, ловя ея каждое дыханіе и задыхаясь отъ любви къ ней, начинаетъ говорить горячо, увлекательно, молить ея уйти отъ этой жизни, гдѣ губится въ зародышѣ живое...

И свершается чудо: Марья Иванова вѣрится ему, согласна съ нимъ... Теряющійся отъ счастья, сильными,

упругими руками схватилъ онъ ее и идетъ съ ней легко и свободно въ какую-то манящую его, невѣдомую даль...

Разсѣялись, умерли звуки. Мракъ, тишина и стужа царили на лѣстницѣ и провожали въ далекій путь пріотившагося среди нихъ обиженного жизнью человѣка...

А. Анненскій.

1 декабря 1905 г.

10-я верста, Яр. ж. д.

О гитарѣ.

(Изъ переписки съ Ю. М. Штокмагомъ.)

(Продолженіе.)

1903.

5.

Глубокоуважаемый и дорогой В. А.

Безконечно благодарю за добрыя пожеланія ваши! Да, дѣйствительно, здоровье и деньги—настоящій „nervus rerum“, и кто обладаетъ этимъ благомъ, тотъ въ правѣ считать себя счастливецомъ.

Мнѣ какъ-то не везетъ въ началѣ новаго года: вотъ уже пятый день какъ не выхожу; обзавелся богатырскимъ изнурительнымъ кашлемъ и съ трудомъ избѣжалъ воспаленія легкихъ. И настроеніе скверное, кладбищенское, отъ недавнихъ похоронъ, о которыхъ я вамъ сообщилъ, а еще болѣе, можетъ быть, отъ блистательно разстроенныхъ мюнхенцами ожиданій. На-дняхъ получилъ письмо отъ В. В. Сланскаго, весьма солиднаго и серьезнаго гитариста; онъ между прочимъ

пишетъ: „Выпуски журнала уменьшились до 4—5 въ годъ, содержаніе его посвящено по преимуществу подробнѣйшимъ описаніямъ различныхъ административно - хозяйственныхъ засѣданій и празднествъ - концертовъ тѣхъ же мюнхенцевъ; всѣ приложенія, кромѣ предложенныхъ вами и д-ромъ Заяицкимъ, оказались совершенно негоднымъ хламомъ. Критическій отдѣлъ г-на Шеррера можетъ вызвать только одно негодованіе у читателя. Особенно забавно было читать о пресловутой игрѣ „ансамбль“ (это слово встрѣчается чуть ли не по 10 разъ на каждой страницѣ журнала). Стыдно мюнхенцамъ печатно объявлять о своемъ незнаніи гитарной литературы и помѣщать въ журналѣ статьи, гдѣ говорится, будто игры ансамблемъ раньше не существовало вовсе, а если и были произведенія для нѣсколькихъ гитаръ, то они ниже всякой критики...

Что касается г. Шеррера, то, мнѣ кажется, его давно слѣдовало бы исключить изъ состава И. С. Г. Всѣ его композиціи, которыя прилагались къ журналу, по моему мнѣнію, представляютъ собою очень жалкія потуги на творчество, въ крайне слабомъ изложеніи; то же мнѣніе высказывали и другіе гитаристы, съ которыми я бесѣдовалъ по этому поводу. Однако этотъ господинъ, повидимому, имѣетъ въ союзѣ доминирующее значеніе: на своихъ праздникахъ-концертахъ мюнхенцы играютъ почти исключительно композиціи и аранжировки Шеррера, въ журналѣ ему даже порученъ одинъ изъ самыхъ важныхъ отдѣловъ—критика. Здѣсь г. Шерреръ оказался уже совсѣмъ не на мѣстѣ: обольщенный до смѣшного своими собственными музыкальными познаніями и даже наивно подчеркивая свои преимущества, онъ старается каждую свою рецензію уснастить возможно большимъ количествомъ музыкальных терминовъ и въ результатѣ, въ большинствѣ случаевъ, даетъ безапелляціонный приговоръ, что вещь „ничего общаго съ музыкой не имѣетъ“.

Не могу судить, насколько справедливы его отзывы, но, судя по его собственнымъ композиціямъ (очевидно, лучшимъ), приложеннымъ къ журналу, не имѣю основанія имъ вѣрить“.

Вы легко можете подумать, что приведенныя слова Сланскаго — отголо-

сокъ моего собственнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе, что это мой ученикъ. Повѣрьте, что онъ ничего не знаетъ пока о моемъ недовольствѣ мюнхенцами; я, напротивъ, всегда говорилъ ему о тѣхъ хорошихъ результатахъ, которые ожидались отъ цѣлесообразной дѣятельности союза. На Шеррера я смотрю какъ на психически больного человека, которому мѣсто въ лѣчебницѣ, но все-таки, пока до лѣченія, онъ успѣетъ похоронить гитару въ Германіи. Какъ мѣтко очертилъ Сланскій аллюры этого психопата!

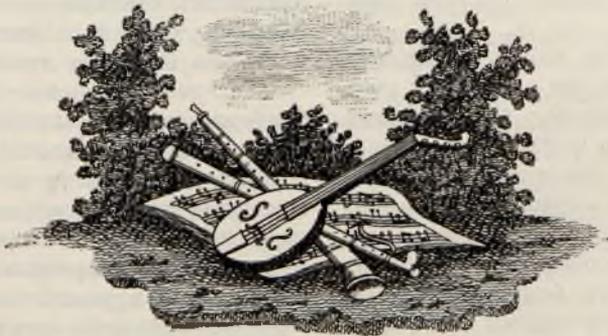
Наконецъ-то могу вамъ выслать изображенія великаго маэстро И. А. Клингера. Портретъ сдѣланъ въ началѣ 90-хъ годовъ и очень похожъ. О значеніи Клингера, если понадобится, въ слѣдующемъ письмѣ. Я самъ очень и очень жалѣю, что праздниками не могъ побывать въ Москвѣ. Относительно вашего интереснаго труда *) могу посоветовать только одно: не будьте скупы на похвалу геніальнымъ корифеямъ: Джуліани, Леніани (Паганини на гитарѣ!), Карулли, а въ особенности исполнцу Сору, на котораго современные пигмеи могутъ лишь взирать съ благоговѣніемъ (за исключеніемъ, конечно, Шеррера).

Отъ всей души желаетъ вамъ здоровья и полнѣйшаго успѣха во всѣхъ предпріятіяхъ

искренно уважающій васъ

Ю. Штокманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Очерка „Введеніе къ исторіи гитары въ Россіи“. В. Р.

3. Minore.

Типы московского Художественного театра.

(Артемъ въ роли Телѣгина въ комедіи А. П. Чехова „Дядя Ваня“.)

Сообщенія Свободнаго союза для распространенія хорошей гитарной музыки.

(Аугсбургъ.)

(Продолженіе.)

№ 8.

Апрѣль, 1905 г.

Содержаніе 8-й тетради.

Для одной гитары.

1. Памяти Отто Гаммерера. С. О. Voije af Gennäs.
2. Сонатина . . . Альфредъ Коттэнъ.
3. Andante № 1 . . . . . А. Дарръ.
4. Игра волнь на Штарнбергскомъ озерѣ . . . . . Г. Берингеръ.

Къ этому номеру прилагается уставъ Союза.

Предлагаемую 8-ю тетрадь заключается годовой выпускъ.

Первое очередное собраніе.

Первое очередное собраніе „Союза“, на которое всѣ члены приглашались письменнымъ извѣщеніемъ, состоялось 29-го марта, въ 8 часовъ вечера, въ отелѣ „Байерхофъ“ въ Аугсбургѣ. Присутствовало только 8 членовъ, жителей Аугсбурга и его окрестностей.

Засѣданіе было открыто его председателемъ, г-омъ присяжнымъ повѣреннымъ Елеръ, который началъ съ разсмотрѣнія подробнаго отчета за

истекшій годичный срокъ существованія общества. Онъ сообщилъ намъ, что дирекціи „Союза“, основаннаго годъ тому назадъ небольшимъ кружкомъ нашихъ друзей, согражданъ и обитателей другихъ городовъ, удалось приобрести 120 членовъ. 74 изъ нихъ живутъ въ Германіи, 10—въ Австріи, 15—въ Россіи, 1—въ Италиіи, 1—въ Австраліи и 10—въ Америкѣ. Чтобы достигъ такихъ хорошихъ результатовъ, нужно было вести обширную и дѣятельную пропаганду и корреспонденцію на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ; кромѣ того, во всѣхъ частяхъ свѣта циркулировала самая широкая реклама. Все это требовало отъ членовъ правленія большой затраты времени и труда.

Предлагаемая тетрадь включаетъ собой послѣдній выпускъ изъ 8 музыкальныхъ тетрадей и 8 номеровъ сообщеній, которые мы предполагали выпустить въ 1-мъ году изданія. Такое же количество намѣчено также и для второго года. Чтобы удовлетворить изъявляемымъ намъ со всѣхъ сторонъ желаніямъ, мы намѣрены дать въ будущемъ году нѣсколько хорошихъ легкихъ пьесъ, такъ же какъ

мы это сдѣлали въ 8-мъ номерѣ. Оцѣнивъ по достоинству трудъ членовъ правленія, г. предсѣдатель благодарилъ ихъ и все собраніе. Затѣмъ онъ напомнилъ заслуги Отто Гаммерера, котораго похитила у насъ смерть, и цѣнное содѣйствіе лицъ, сдѣлавшихъ намъ музыкальныя пожертванія.

Г. Ёлеръ закончилъ свою рѣчь просьбой, обращенной ко всѣмъ членамъ - сотрудникамъ, и впредь поддерживать наше прекрасное предприятие.

Относительно кассоваго отчета, инвентаря и бюджета за 1905 годъ кассиръ г. Шпренцингеръ даетъ слѣдующія свѣдѣнія:

Чистымъ доходомъ, оставшимся за покрытіемъ расходовъ, мы обязаны щедрости нѣсколькихъ членовъ.

Временныя ссуды, сдѣланныя покойнымъ г. Гаммереромъ и г. Gauhe, государственнымъ членомъ суда (Langerichtsrat), 90 мк. и 100 мк. *), обратились въ пожертванія. Сердечное спасибо щедрымъ жертвователямъ!

Бюджетъ за 1905 г. былъ одобренъ, и отчетъ отданъ кассиру.

Члены правленія были вновь избраны единогласно и возобновили свои обязанности.

Засѣданіе окончилось, и всѣ разошлись въ надеждѣ, что „Свободный союзъ“ будетъ процвѣтать и въ будущемъ.

Правленіе:

А. Oehler, присяжный повѣренный, предсѣдатель.

Нарциссъ Бергмиллеръ, землевладѣлецъ, помощникъ предсѣдателя, коммерсантъ.

Ф. Шпренцингеръ, торговецъ, кассиръ и секретарь.

Винцентъ Бергмиллеръ, землевладѣлецъ, членъ присутствующій (ассистентъ).

Нашимъ уважаемымъ членамъ.

Издатели этихъ музыкальныхъ тетрадей предлагаютъ вниманію уважаемыхъ сочленовъ собраніе произведеній гитарной музыки (рѣдкости:

см. тетр. I, VIII и слѣдующія). Они просятъ также и ихъ съ своей стороны содѣйствовать процвѣтанію этого предприятия и созданію богатой коллекціи цѣнной гитарной музыки, присылая имъ рѣдкія и несуществующія въ продажѣ сочиненія Сора, Карулли, Джулиани, Диабелли и др. Всѣ издержки принимаются на счетъ издателей.

Просятъ присылать на имя г. Ф. Шпренцингера: Аугсбургъ - Лехгаузенъ, Германія.

№ 1 **).

Май, 1905 г.

Почтовый ящикъ.

В. Л. въ Дрезденъ. Старинныя пѣсни, пропѣтыя съ такимъ успѣхомъ Роб. Котъ на его концертахъ, въ скоромъ времени появятся въ печати у Кальвей въ Мюнхенѣ.

III. въ Губенъ. Рекомендуемая въ «Собщеніяхъ» музыкальныя произведенія, согласно неоднократно выраженнымъ желаніямъ публики, тоже можно приобрѣтать отдѣльными изданиями.

Др. Г. въ Дрезденъ. Краткія біографическія свѣдѣнія о нашихъ композиторахъ мы уже начали давать въ этомъ году.

Г. М. въ Имстѣ. Реформированную школу гитары Гѣца, которая, кромѣ многочисленныхъ упражненій, этюдовъ, изученія грифа для начинающихъ, даетъ еще отличное руководство къ игрѣ аккордами (спеціальность этого сочиненія), и особенно пригодна какъ самоучитель, можно найти у Юганна Андре, Оффенбахъ (2½ марки).

А. Г. въ Инсбрукѣ. Ваше произведеніе будетъ напечатано во 2-й тетради, такъ какъ первая уже совсѣмъ закончена.

Господинъ редакторъ!

Отчего это происходитъ, что среди членовъ нашего общества, которые должны бы быть ревностными любителями гитары и многіе изъ которыхъ работаютъ надъ нею въ полномъ уединеніи, не находятъ желающихъ что-либо сказать или спросить о чемъ?

**) Подписной годъ на журн. „Свободнаго союза“ начинается съ мая мѣсяца.

*) Марки.

Позвольте мнѣ еще предложить вамъ слѣдующій вопросъ: гдѣ можно достать приблизительно вѣрныя струны? Охъ, эти фальшивыя струны! Какъ это ужасно! Уже Гатѣй, если я не ошибаюсь, сказалъ въ своей школѣ гитары: „Можно считать себя счастливымъ, найдя вѣрное *си*“. Но то же самое относится не къ одной этой струнѣ. Всѣ могутъ быть и очень часто бываютъ фальшивыми, особенно средніе баса.

Да, вы натягиваете струны и тотчасъ же послѣ этой скучной операціи видите, что струна фальшива; вы срываете ее снова съ досадою и бросаете.

Нельзя ли было бы предложить какому-нибудь фабриканту струнъ посвятить добровольно всѣ свои труды на созданіе хорошихъ гитарныхъ струнъ? Онъ сдѣлалъ бы доброе дѣло и, безъ сомнѣнія, выгодное для себя.

Если трудно найти вполне удовлетворительный инструментъ, то остается еще вѣчная борьба съ фальшивыми струнами, парализующими всякія усилія и разстраивающими нервы.

I. A.

Цюрихъ.

Адамъ Дарръ.

А. Дарръ, превосходный гитаристъ, родившійся въ 1811 году въ Швейнфуртѣ, одаренный большимъ музыкальнымъ талантомъ, посвятилъ себя гитарѣ въ восемнадцатилѣтнемъ возрастѣ. Сначала онъ изучалъ скрипку, затѣмъ флейту съ такимъ успѣхомъ, что могъ въ различныхъ концертахъ вполне удовлетворительно исполнять соло и приобрести ту увѣренность, которая доставила ему впоследствии его гитарный триумфъ за границей. Его прилежаніе и упорство до такой степени сосредоточились на этомъ инструментѣ, что онъ достигъ поразительной виртуозности и представилъ доказательства ея при дворахъ Франціи, Бельгіи, Голландіи, Швеціи и Россіи, повсюду почитаемый и встрѣчаемый аплодисментами.

Въ воспоминаніе объ этихъ путе-

шествіяхъ и этихъ успѣхахъ Дарръ сохранилъ альбомъ, полный одобреніями его искусства со стороны выдающихся лицъ, съ которыми авторъ этой біографіи позднѣе имѣлъ случай познакомиться.

Послѣ шестнадцатилѣтняго пребыванія за границей, въ теченіе котораго онъ останавливался болѣе или менѣе надолго въ нѣкоторыхъ городахъ—напримѣръ, въ Петербургѣ онъ провелъ почти 3 года,—онъ пожелалъ вернуться на родину. Онъ возвратился туда и нашелъ въ Вюрцбургѣ въ одной англійской семьѣ мѣсто гувернера и учителя гитарной музыки, что соотвѣтствовало его склонностямъ. Но что сдѣлало его новую жизнь еще болѣе пріятной—это постоянныя хорошія отношенія съ артистомъ вполне въ его духѣ, который любилъ и культивировалъ гитару съ такимъ же успѣхомъ. Два друга, А. Дарръ и Фредерикъ Брандъ, дали потомъ цѣлый рядъ концертовъ въ Средней и Южной Америкѣ, представившихъ ихъ восхищеннымъ слушателямъ зрѣлище равной и совершенной виртуозности на полузабытомъ инструментѣ и еще неизвѣстномъ въ смыслѣ силы звука и своихъ музыкальныхъ средствъ. Безграничный восторгъ, который сопровождалъ этихъ артистовъ изъ города въ городъ, энтузіазмъ, съ которымъ ихъ вездѣ встрѣчали, дѣлали ихъ путешествіе похожимъ на триумфальное шествіе. Современные гитаристы обязаны всею своею благодарностью этимъ двумъ пионерамъ, которые приложили столько рвенія, чтобы показать, что такое настоящая гитара.

Позднѣе Дарръ переселился въ Мюнхенъ, гдѣ нижеподписавшійся познакомился съ нимъ въ 1846-мъ г., оставаясь съ тѣхъ поръ въ непрерывныхъ отношеніяхъ. Наконецъ, въ Аугсбургѣ, гдѣ Дарръ водворился въ 1856-мъ году, эти отношенія становились все болѣе и болѣе тѣсными и близкими. Именно въ это время Дарръ написалъ свою знаменитую школу гитары, которая пользуется уваженіемъ еще и теперь, послѣ 50-ти лѣтъ со дня ея появленія въ печати. На

ряду со своими занятіями въ качествѣ преподавателя гитарной музыки, Дарръ въ то время, какъ и прежде, писалъ много пьесъ для гитары: соло, дуэты, тріо. Всѣ эти произведенія крайне драгоцѣнны и эффектны, потому что авторъ прекрасно зналъ все, что можно извлечь изъ этого инструмента въ крайнихъ предѣлахъ его. Его сочиненія исполнялись самимъ композиторомъ и его другомъ, который живъ еще и въ настоящее время, а также и авторомъ этой статьи, во многихъ концертахъ и всегда съ большимъ успѣхомъ.

Дарръ былъ музыкантъ большого таланта и вмѣстѣ съ тѣмъ идеалистъ чистаго золота. Его знанія, его музыкальное образованіе позволяли ему самую разнообразную дѣятельность; онъ писалъ даже для арфы. За исключеніемъ школы гитары и другихъ пьесъ для нея, онъ не печаталъ своихъ сочиненій; всѣ они существуютъ только въ рукописяхъ.

Непріятности, которыя Дарръ испытывалъ, какъ человѣкъ, со стороны очень близкаго человѣка, смутили вдругъ постоянную ясность его души и привели его къ рѣшенію прекратить нить своей жизни, когда она стала для него невыносимымъ бременемъ. Онъ умеръ 2 октября 1866 года.

Какъ и слѣдовало ожидать, неожиданная потеря человѣка, такъ богато одареннаго, была всеми горько оплакиваема. Его вѣрные друзья, между которыми находился одинъ иностранецъ, ревностный почитатель его музыки, воздвигли ему памятникъ на аугсбургскомъ кладбищѣ. Цвѣты, которыми ежегодно украшаютъ его могилу въ день, посвященный памяти усопшихъ, являются живыми свидѣтелями дружбы и любви, которыми Дарръ наслаждался въ теченіе своей земной жизни и которыя продолжаютъ жить и за гробомъ.

Отто Гаммереръ.

А. Гёцъ †.

Вчера днемъ здѣсь скончался извѣстный и уважаемый государствен-

ный совѣтникъ Алоизъ-Жозефъ Гёцъ, директоръ Лѣсоводства, въ возрастѣ 83-хъ лѣтъ, кавалеръ серебрянаго военнаго ордена (медали) 1848 года, знака отличія 1848 года и юбилейной медали 1873 года. Жестокій недугъ, послѣ недолгихъ страданій, быстро свелъ его въ могилу. Его непобѣдимый юморъ и любезность были всемъ извѣстны; имя покойнаго было также тѣсно связано съ изящными искусствами. Гёцъ игралъ на гитарѣ съ такимъ мастерствомъ, которое рѣдко можно встрѣтить для этого инструмента. Онъ часто служилъ этимъ искусствомъ благотворительности, и еще 9-го апрѣля этого года сыгралъ нѣсколько дуэтовъ на музыкальномъ праздникѣ союза типографчиковъ. Гёцъ издалъ также школу гитары, которая была признана очень цѣлесообразной. Покойнаго соединяла тѣсная дружба съ профессоромъ Адольфомъ Пиплеромъ, которая продолжалась еще съ 48-го года, когда оба, теперь уже отошедшіе въ вѣчность, вмѣстѣ сражались противъ враговъ.

(„Инсбрукскія Извѣстія“ отъ 10-го іюня 1905 года.)

Въ № 3-мъ мы помѣстимъ подробный отзывъ о нашемъ «старшемъ мастерѣ» Гёцѣ. Предлагаемая II-я тетрадь содержитъ одно изъ послѣднихъ гитарныхъ произведеній покойнаго.

Разныя извѣстія.

Нашъ сочленъ г-нъ А. Ф. Крамеръ, преподаватель музыки въ Лондонѣ, по случаю посѣщенія этого города королемъ Испаніи Альфонсомъ, удостоился недавно высокой чести давать концертъ на гитарѣ вмѣстѣ съ банжонистомъ г-номъ Нассау-Кеннеди въ присутствіи короля Англии Эдуарда, принца Уэльскаго, герцога Кентскаго и ихъ свиты.

Въ Нюрнбергѣ нашими уважаемыми сочленами гг. Боссъ, Ротъ и Лоттеръ и многими друзьями основанъ «Свободный союзъ» и учреждена школа гитарной музыки, которая усердно посѣщается.

Какъ сильно въ Нюрнбергѣ влеченіе къ

гитарѣ, видно изъ того, что тамъ образовалось кромѣ того «Общество друзей гитары», подъ предѣлательствомъ г-на Др. Едельманъ, которое поставило себѣ цѣлью развитіе (изученіе) народной пѣсни и лютни.

Почтовый ящикъ.

Г. А. въ Цюрихъ. У Маренго Романо, наслѣдн., въ Туринѣ, въ Италіи, улица Рима, 2, можно найти струны чистаго звука для всѣхъ струнныхъ инструментовъ, специально желаемой толщины по образцу.

Т. Д.

Очень хорошія струны вы можете найти здѣсь въ музыкальномъ магазинѣ — Ган-

новеръ, Остерштрассе. Обратитесь за ними туда, но требуйте струны высшаго качества.

А. Г.

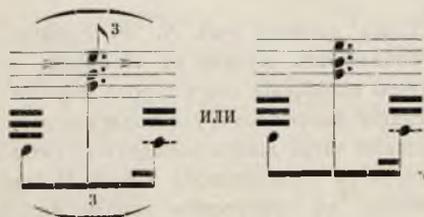
Очень хорошія и чистаго звука струны доставляютъ фирмы: Карль Мюллеръ—Аугсбургъ, Альпенштрассе, 22; Гансъ Раабъ—Мюнхенъ, Зендлингерштрассе, 7/9, и Германъ Траппъ—Вильдштейнъ во Франценсбадѣ, въ Богеміи. Потребуйте образцы различной толщины и цѣнности. Ф. С.

Г. Карль Мюллеръ въ Аугсбургѣ беретъ на себя доставку испытанныхъ чистыхъ струнъ съ соотвѣтственно повышенною стоимостью ихъ.

Почтовый ящикъ.

Оренбургъ. Г-ну Машкевичу. Въ пьесѣ „Наше родное“ въ пальцахъ лѣвой руки, къ сожалѣнію, опечатка: и въ томъ и другомъ случаѣ слѣдуетъ читать 1, 3, 4, 3, 1. Въ „Ивушка“ слѣдуетъ разсматривать и читать, какъ будто это тріоли съ точкою послѣ второй ноты, а именно

(Вторая нота тріоли увеличена на $\frac{1}{16}$.)

Относительно „Мазурки“ ошибаетесь: тріо транспонировано на полтона ниже; въ подлинникѣ первый тактъ мелодіи состоитъ: четвертная пауза,

la ♯ (четверть съ точкою) и sol ♯ (восьмая), а девятый тактъ — первая четверть la ♯ и sol ♯, вторая съ точкою la ♯ и затѣмъ восьмая — sol ♯. Какъ видите, первый и девятый тактъ не одинаковы.

Въ пьесѣ „Среди долины ровныя“ нѣтъ лишнихъ нотъ въ Adagio. Первый тактъ заключаетъ: $\frac{1}{16} + \frac{4}{64} + \frac{2}{16}$ (тріоль) + $\frac{1}{16} + \frac{4}{64} + \frac{1}{8}$, сумма которыхъ равна $\frac{2}{4}$, т.-е. какъ и обозначено въ ключѣ. Для облегченія счета разбейте его на $\frac{4}{8}$.

Тюмень. М. П. Пеневскому. Мы не считаемъ себя въ правѣ касаться политическихъ убѣжденій нашихъ читателей. Журналъ нашъ посвященъ искусству, въ которомъ „нѣсть эллинъ, нѣсть іудей“. Кромѣ того, ваше **Открытое письмо** является нарушеніемъ самыхъ примитивныхъ правилъ гостеприимства.